

УДК 94(470.67)+94(479)

ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Н.А. Магомедов,
доктор исторических наук, зав. Отделом Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала,
З.Н. Магомедов,
аспирант Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН,
Махачкала

sharafutdin@list.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли политических единиц и обществ Южного Дагестана в период Кавказской войны. Проведенное исследование показывает прямое и непосредственное участие южно-дагестанских обществ в народно-освободительной борьбе горцев Дагестана и Чечни XIX в., вовлеченность жителей Самурской долины, Кубинской провинции и Табасарана в ход военных действий. Подробно освещается поход имама Шамиля в Южный Дагестан, организованный по просьбе жителей региона, раскрываются причины неудачи и отступления имама. Также затрагивается вопрос об участии южно-дагестанских обществ в восстании горцев 1877–1878 гг.

Ключевые слова: Кавказская война, имам Шамиль, Хаджи-Мурат, Южный Дагестан, позиция южно-дагестанских владетелей, восстание в Кубе, Табасаране.

SOUTHERN DAGESTAN AND THE CAUCASIAN WAR

N.A. Magomedov,
Doctor of Historical Sciences, Head. Division of the Institute of History, Archaeology
and Ethnography Dagestan Scientific Center, RAS, Makhachkala,
Z.N. Magomedov,
Graduate student of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan
Scientific Center, RAS, Makhachkala

sharafutdin@list.ru

Abstract: The article deals with the role of political entities and societies of Southern Dagestan in the Caucasian War. The author notes that the results of the study point to direct participation of the societies of Southern Dagestan in the national liberation struggle of Dagestan and Chechen mountaineers in the 19th century, involvement of the residents of the Samur Valley, Kuba province and Tabasaran in the military operation. The author of the article highlights Imam Shamil's campaign in Southern Dagestan that was organized at the request of the residents of the region, considers the reasons of its failure and Imam's retreat. The article also covers participation of the societies of Southern Dagestan in the uprising of mountaineers in 1877–1878.

Keywords: Caucasian war, Imam Shamil, Hadji Murad, Southern Dagestan, position of the rulers of Southern Dagestan, uprising in Kuba and Tabasaran.

Прошло более полтора столетия, как в горах Дагестана и Чечни закончилась борьба под флагом кавказского мюридизма. Это героическое и в то же время трагическое событие с самого начала было направлено против экспансионистской политики царской России, проводимой на Кавказе. Энергичные действия «проконсула Кавказа» генерала Ермолова по насаждению нового

политического правопорядка углубили классовую и внутриклассовую борьбу, до предела взбудоражили общественное мнение всего региона.

Однако нельзя не отметить, что самодержавной политикой была недовольна и феодальная верхушка, которая никак не хотела расстаться с политической властью и с институтами, поддерживающими ее привилегии. С этой целью феодальные правители Аварии, Кайтага, Казикумуха и др. сумели организовать антицарские выступления. Но они были легко подавлены войсками. Не угодившие царскому правительству владельцы были отстранены от власти, на их места назначены другие феодалы, придерживающиеся процарской ориентации. Естественно, что отстраненные от власти феодалы и их окружение были недовольны действиями кавказского командования и мечтали «вернуть утраченные привилегии и восстановить выгодные для них состояния», а также феодальные порядки с вытекающими отсюда последствиями.

Браждебно настроено было к царизму и местное мусульманское духовенство, за исключением небольшой его части, перешедшей на службу к царизму. Роль мусульманского духовенства в дагестанском обществе определялась не только его многочисленностью, но и главным образом позициями, которые оно занимало в горских обществах. Кроме того что духовенство контролировало духовную и обыденную жизнь горцев, оно в ряде мест прибрало к рукам и светскую власть. Мусульманское духовенство и ранее было против включения Северного Кавказа в состав России, поскольку сам факт перехода мусульман под покровительство страны, где государственной религией было христианство (православие), расценивался ими как посягательство на его авторитет и влияние. Меры Ермолова ещё больше убедили их в этом.

Политикой царизма недовольны были и широкие народные массы Северо-Восточного Кавказа. Отстранив от политической власти феодальных правителей, самодержавие оставило, по существу, неприкосновенными существовавшие до этого порядки во внутреннем управлении феодальных владений. Мало того, создавая себе социальную опору, царизм всячески поддерживал эксплуататорские устремления феодалов, оказывая им всевозможную помощь и поддержку. Неграмотным феодалам присваивались высокие воинские и пожизненные пенсии, ежегодные жалования в размере 2–6 тыс. руб. Широко практиковалась раздача земель и даже целых деревень в управление феодалам. Словом, делалось все, чтобы не ущемить феодальных владельцев, преданных царизму. Характерным в этом плане является заявление генерала Ермолова. «За себя и детей своих, – писал он шамхалу Тарковскому, – можешь не беспокоиться. Теперь власть будет более уважаема и соседи разумевают, что значит могущественное покровительство великого государя» [8, с. 29].

Понятно, что, имея могущественную поддержку, феодалы начали широкое наступление на общинные права. Уверенные в поддержке кавказского командования, феодалы стали ещё более деспотично обращаться с подвластным населением. Не считаясь ни с чем, они решали дела «как бог на душу положит», выносили жесткие приговоры и тут же приводили их в исполнение. Нередки были случаи, когда по одной лишь прихоти владельцы без суда и следствия ссылали людей во внутренние губернии страны. Все это вызывало недовольство народных масс «своими» владельцами и их покровителем – самодержавием. «После покорности дагестанских племен, – заметил А.Руновский, – мы не изменили существенно господствующую там вредную систему управления. Установлением там порядка не только не прекратили тиранию владельцев, но и предоставили управлять народами на прежних основаниях, ещё укрепили эту власть...» [4, с. 180]. Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских как на своих избавителей, почувствовали себя обманутыми. Кроме того, практиковались необдуманные меры правительства, такие как принуждение горцев работать на прокладке дорог, выставлять по требованию властей лошадей, подводы для перевозки различных грузов, нести почтовую службу и др.

Политика кавказского командования была недальновидной. Оно прибегало к блокаде целых районов, запрещало свободный проезд горцам в равнинную часть Дагестана, Закавказье и на Северный Кавказ. В случае же нарушения этого запрета власти арестовывали горцев, а привезенные ими товары конфисковывали. В блокированные районы запрещалось ездить армянским и другим купцам. Эта мера воздействия крайне отрицательно сказывалась на экономике края, ставила горцев в крайне стесненное положение.

Тем не менее запреты и притеснения продолжались. Положение трудящихся масс усугублялось и произволом, злоупотреблением и взяточничеством офицеров и чинов кавказской администрации, а также их невниманием к обычаям, правам и традициям горцев. Поскольку рост феодальной эксплуатации и гнет самодержавия происходили одновременно и в тесном переплетении с ужесточением политики самодержавия, естественно, что антифеодальный протест

сливался с антицарской борьбой. Нередко недовольство феодальным гнетом отходило на второй план, уступая первое место национальному протесту.

Итак, сложившейся ситуацией были недовольны и широкие народные массы (горское крестьянство, ремесленники, торговцы), и узденская аульская верхушка, и часть феодалов и мусульманского духовенства. Однако цели, которых добивались различные социальные слои, были совершенно разные. В то время как народные массы желали освободиться от феодального деспотизма и все усиливавшегося гнета самодержавия, эксплуататорские верхи надеялись, используя недовольство народа, встать у кормила власти и укрепить свое положение. Феодалы жаждали вернуть утраченные позиции, а мусульманское духовенство и поддерживающая их аульская верхушка стремились, оттеснив феодалов как плохих мусульман, предавшихся царизму, взять в свои руки духовную и политическую власть. Однако, вступая в жесткую борьбу с самодержавием, они и не думали менять власть России на господство Оттоманской Порты и шахского Ирана.

В этих до предела накаленных условиях классовых и национальных противоречий первой половины XIX в. начались антицарские выступления горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля. По своему национальному и социальному составу они не были однородными. Х.-М. Хашаев писал, что в движении под предводительством Шамиля не принимали участие даргинцы, табасаранцы и другие народы Южного Дагестана. Он прав только в том, что базой движения и основной территорией имамата были Авария и Чечня. Но это не значит, что в выступлении горцев не принимали участие народы, населяющие Южный Дагестан, и что они остались глухи к многолетней борьбе [13, с. 39].

Общеизвестно, что в движении принимали деятельное участие все народы Дагестана. Джамааты Рутула, Шиназа, Цахура, Ахты, Хучни и др. часто получали письма Шамиля, в которых имам высказывал надежду на поддержку. Так что выступление табасаранцев, рутулов, цахуров и самурских лезгин – это неслучайное явление. В результате высоких податей, установленных царизмом, злоупотреблений и произвола со стороны чиновников положение народных масс сильно ухудшалось. Зависимость от России не устраивала ни беков, ни узденей, ни райятов Южного Дагестана. Недовольством были охвачены не только районы Южного Дагестана, но и Кубинский, Нухинский и Джаро-Белоканский округа Азербайджана. Это недовольство завершилось Кубинским восстанием 1837 г., самое активное участие в котором принимали и жители Южного Дагестана во главе с Ага-беком Рутульским и Молла-шейхом Ахтынским.

Весной 1838 г. в Кубинской провинции было собрано большое количество войск под командованием генерал-лейтенанта Фези. Перед ними была поставлена конкретная задача – подавить восстание в Кубинской провинции, наказать жителей «вольных» обществ Кубы, а затем двинуться в Нагорный Дагестан для борьбы с восставшими горцами. Жители обществ Самурской долины, вооружившись под предводительством Ага-бека Рутульского и Молла-шейха Ахтынского, встретили царские войска в Аджи-ахуре, где в течение двух дней продолжались упорные бои, в результате которых восставшие потерпели поражение. При этом царские войска потеряли убитыми около 50 человек, ранеными более 100 человек. Потери лезгин составили 600 человек. Они были вынуждены принять присягу на подданство России и обещали выполнять требования царских властей. После этого отряд войск во главе с генерал-лейтенантом Фези направился в Нагорный Дагестан.

Между тем жители обществ Самурской долины, воспользовавшись уходом царских войск, вновь восстали и вторглись в Шекинскую провинцию под предводительством Ага-бека Рутульского. В связи с этим царские власти попытались поднять местных жителей против лезгинского отряда, но это им не удалось. По словам генерала Коцебу, азербайджанцы «отказались от защиты». Это равнодушие жителей было результатом того, что «лезгины у них ничего не трогали, ибо за всякий грабеж Ага-бек строго наказывал» [2, с. 536]. Поэтому он не встречал никакого сопротивления, был дружелюбно принят жителями Шекинской провинции, «где имел много тайных сообщников» [2, с. 536], в конце лета 1836 г. занял город Нуху и обложил крепость. К Нухе в срочном порядке начали стягиваться отряды царских войск, состоящие из 6 рот пехоты, а также из милиции елисейского султана. Отряды восставших лезгин вынуждены были отступить.

Вторжение горцев на территорию Шекинской провинции вынудило кавказское командование вернуть отряд во главе с генералом Фези из Северного Дагестана в селение Хазри и снова направить его вверх по Самуру. У урочища Аджи-аху горцы приготовились к отчаянному сопротивлению. Генерал Фези, не надеясь на успех, решил начать переговоры. Они закончились

тем, что у горцев взяли обязательство о взносе в казну числящихся за ними недоимок и уплате за убытки, причиненные при вторжении в Шекинскую провинцию.

После этого Ага-бек решил отправить в Тифлис представителей обществ Самурской долины с просьбой сложить с них денежные налоги и недоимки, но получил отказ. Общества Самурской долины, говорил Головин, «с 1837 года с необычайной дерзостью столько раз изменившие нашему правительству (1839 г. – Авт.), не только сами предаются и более духу мятежа, но употребляют все усилия, дабы склонить дагестанцев и соседственные провинции к совместному против нас восстанию» [19, с. 225]. Далее он указывал, что в этих обществах существуют две партии: одна, состоящая из людей благомыслящих, желает покорностью служить правительству, заслужить его покровительство, а другая помышляет силой оружия воспротивиться нашим требованиям, и, будучи гораздо многочисленнее, не только уничтожает всякое влияние благожелательных людей на народ, но и заставляет их даже скрывать свои миролюбивые расположения» [3, с. 578].

Ситуация во владениях Южного Дагестана очень тревожила царских генералов, поэтому для сохранения там спокойствия царское командование вынуждено было срочно снять часть сил, действовавших против Шамиля, и направить их для подавления волнений в Южном Дагестане. Как отмечает Н.А. Добролюбов, «в сентябре 1837 г. русские войска вынуждены были удалиться «из Аварии», чтобы подавить волнения, обнаружившиеся в это время в Южном Дагестане [6, с. 437]. По словам Милютина, «волнение в Табасаране, Каракайтаге и Самуре ... отвлекло войска от Северного Дагестана». По этой причине предполагаемая в 1838 г. экспедиция против Шамиля не состоялась. Генерал Фези должен был спешить в Южный Дагестан [16, с. 19]. Восставшие потерпели поражение под Аджи-ахуром от генерала Фези и потеряли убитыми 800 человек [12, с. 210].

«В 1838 году верхний Табасаран и Каракайтаг, – говорится в документе, – были в открытом неповиновении, как и остальные части Дагестана». В 1839 г. также восстали жители Ахтов, Борча, Хнова, Рутула. В мае того же года с низовьев Самура двинулись крупные силы под командованием генерала Головина, а отдельный отряд под командованием генерала Симборского был отправлен для наказания Хнова и Борча.

Через три дня царские войска, достигнув местности Аджи-ахур, атаковали позиции горцев с 30 на 31 мая и овладели ими. Горцы были рассеяны по своим селениям. Как отмечал генерал Головин, «вольные Кубинские общества, где нога русская ещё не бывала, покорились, отряд без выстрела занял главное селение Ахты» [20, с. 17]. По его же словам, в 1839 году и «для прочного водворения владычества нашего в этой стране» было начато строительство крепости при Аджи-ахурской теснине и в Ахтах. К осени обе крепости были выстроены. Ахтынская крепость была рассчитана на 80 человек гарнизона с 8 орудиями. Аджи-ахурская крепость, получившая название Тифлисской, также была рассчитана на 80 человек с 4 орудиями. Из обществ Самурской долины, за исключением Рутульского, отошедшего к владениям елисейского султана, был образован особый округ под названием Самурского, который подчинялся начальнику из числа царских офицеров.

После подавления восстания жителей Самурской долины часть войск была снова отправлена в помощь адъютанту Граббе, действовавшему против Шамиля в Северном Дагестане. Оценивая значение покорения Самурской долины, генерал Головин писал: «Важнейшие результаты нынешней экспедиции против Ахты и Рутула состоят в том, что, овладев Самуром до самых его истоков, мы перерезываем горный хребет поперек и ограждаем весь Южный Дагестан от вредных сношений с племенами, нам непокорными и таким образом, надежнее можем сохранить спокойствие в мусульманских наших провинциях; сверх того быстрый и полный успех на Самуре принес существенную пользу экспедиции в Северном Дагестане» [20, с. 17].

В течение последующих 10 лет жители Самурской долины не прерывали переписку с Шамилем, хотя открыто выступить они не могли, ибо после событий 1837–1839 гг. в Ахтах, Рутуле и Лучеке были оставлены гарнизоны царских войск.

Антиколониальная борьба горцев Южного Дагестана обострялась под непосредственным влиянием борьбы остальных дагестанских горцев. В 40-х гг. XIX в. Шамиль одерживает ряд побед над царскими войсками. Нередко военные действия происходили в непосредственной близости от Южного Дагестана.

Хотя царизм предпринимал меры, чтобы волнения в Аварии не проникали в сопредельные общества, успехи, одержанные Шамилем, не могли не оказать влияния на антиколониальную борьбу в Южном Дагестане. «Восстание, начавшееся в Гумбете и Анди, – отмечал генерал Граббе, – распространяясь в Аварии, Андалале и других обществах, разлилось в Казикумухском и

Кюринском ханствах, Акуша, Каракайтаг, Табасаран и вольные Самурские общества находятся в сильном волнении» [7, с. 12].

В зените своих побед имам Шамиль решил включить в состав имамата Самурскую долину, Кубинскую провинцию и Табасаран [9, с. 19].

Сложившаяся обстановка в Южном Дагестане убедила Шамиля в том, что надо собрать в один кулак значительные силы и, не давая опомниться царскому командованию, двинуться в Южный Дагестан и нанести сокрушительный удар царским войскам, дислоцированным в данном регионе. И для этого было полное основание, т.к. царское командование не в состоянии было за короткое время собрать воедино свои войска и противопоставить их отряду горцев, и Шамиль, конечно, об этом знал [11, с. 550].

Весной 1842 г. большая группа войск Шамиля вторглась в Казикумухское ханство. Войска Шамиля, не встречая сопротивления в лакских селениях, стали двигаться в сторону Кюринского ханства. Они, заняв укрепление Чирах, двинулись к селению Рича, которое защищали две роты. Между горцами и царскими войсками произошёл ожесточенный бой. Однако горцам не удалось захватить Ричинскую крепость. Как сообщается в официальном документе, русские войска «геройски отстояли при селении Рича занимаемую ими позицию против 2 тысяч лезгин и тем удержали в повиновении все отрезанные племена, готовые принять участие в восстании» [5, с. 456]. В этом источнике речь идет о намерениях южно-дагестанских селений оказать вооруженную помощь войскам Шамиля. Но решительные действия царских войск не позволили им объединиться и выступить.

В «Политическом обзоре горских племен Кавказа от 1842 года» говорится, что покорность лезгинских обществ Южного Дагестана и Самурского округа «вообще ненадежна и полагать можно, что они с готовностью присоединились бы к Шамилю, если бы сему возмутителю удалось распространить действия свои на Южный Дагестан. Ахтынцы и рутульцы представляют более ручательства в покорности, по возведении укреплений Тифлисского и Ахтынского, коими занято течение Самура» [21, с. 4].

Усиливавшиеся волнения в связи с успехами Шамиля вынудили генерал-адъютанта Нейдгардта писать военному министру в 1843 г.: «Последние происшествия в Дагестане, не говоря уже о понесенной нами потере, ослабили нас на всем пространстве от Владикавказа до Самура, пришли в волнение все племена дагестанские, уже с давнего времени нам покорные, возвысили до чрезвычайности дух горцев, не могли не иметь дурного влияния на наши войска, и, наконец, более нежели какие-нибудь из предшествовавших событий показали нам силу, которую приобрел ныне Шамиль, и размер, который он дает своим предприятиям... Наконец, весь Дагестан принимает живое участие в успехах Шамиля и малейшая неудача может теперь произвести восстание на всем пространстве между Сулаком и Самуром и даже распространить волнение по всей Каспийской области» [3, с. 986].

Кавказское командование принимало решительные меры, чтобы не допустить всеобщего восстания в Южном Дагестане – увеличивало количество войск, создавало на важных стратегических дорогах сторожевые посты. Кроме того, местным феодальным владельцам было предложено дополнительно набрать людей в милицию и быть постоянно готовыми к выступлению в поход: на имя «почетных лиц», кадиев, мулл Табасарана, Казикумухского ханства были направлены специальные воззвания с требованием оказать содействие в удержании «простого народа» в покорности, строжайше следить за тем, чтобы в Южный Дагестан не проникали мюриды Шамиля.

Весной 1842 г. жители селений Аракул, Катрух, Ихрек и Микрах получили от наиба Шамиля Хаджи-Яхьи воззвание с требованием присоединиться. Узнав об этом, елисейский султан собрал милицию из 1200 человек и окружил указанные селения. Их жители, не имея достаточных сил для сопротивления, были вынуждены уступить требованиям султана. Выступление этих селений было предотвращено. Генерал Аргутинский писал генералу Головину от 5 июля 1842 г.: «В водворении спокойствия между кайтагцами и табасаранцами мне много помогли майор Ибрагим-бек Карчагский и капитан Джамов-бек» [10, с. 177].

В начале 1844 года царские войска после подавления волнений в Терекеме и Кайтаге вторглись в Табасаран, жители которого, по словам А. Юрова, были «готовы передаться Шамилю» [10, с. 177]. Одному из наибов – Кибит-Магоме Шамиль приказал собрать по мере возможности сильную партию и двинуться вместе с Сакуром в Табасаран [1, с. 811]. В своем письме к Магомед-кадию Акушинскому Шамиль отмечал: «Я отправил к Казикумухским Магомед-Эфенди войско в Кайтаг и Табасаран для восстановления исламизма, и тебе повелеваю

послать туда без всякого отлагательства с сыном своим Абубекиром около 100 человек, дав ему необходимые наставления» [5, с. 453].

В марте 1844 г. произошло сражение у селения Дюбек между жителями Верхнего Табасарана и царскими войсками. По приказу генерала Аргутинского селение Дюбек было сожжено «за исключением» мечети и двух домов преданных жителей [1, с. 820].

Подробно о восстании табасаранцев и кайтагцев и его подавлении говорится в рапорте генерал-майора Аргутинского-Долгорукова генерал-адъютанту Нейгардту от 6 марта 1866 г.: «4 числа сего месяца (март) войска Самурского отряда в час пополудни разбили кайтагцев и собравшихся в большом числе вольных табасаранцев перед Дюбеком и вслед за тем взяли штурмом последнюю деревню, которую я по многим причинам обязан был наказать и потому, предав деревню пламени, отступил того же числа в урочище Баши-Даш... Я уверен, что истребление Дюбека будет иметь благодетельное влияние на дела этого края» [5, с. 454].

В 1847 г. Шамиль снова пытался овладеть Дарго. «Отсюда он мог взволновать Мехтулу, Шамхальство, Кайтаг, Табасаран, проникнуть в Кюринское ханство».

Кавказское командование принимало все меры, направленные на обуздание действий поднявшихся на борьбу жителей Табасарана и Кайтага. «Поднять Кайтаг и Табасаран было слишком соблазнительным. Ведь с отторжением Кайтага отлегла бы от нас значительная часть наших владений на юго-востоке Прикаспийского края» [12, с. 160].

Вскоре жители Верхнего Табасарана явились к Аргутинскому с повинной. Они были прощены с условием безусловного выполнения впредь всех приказов. 15 марта того же года Аргутинский прибыл в Гиляр и расположил отряд по квартирам. Затем царские войска прошли через крупные сс. Стал, Магарамкент, Капир, Курах, Рича, Чирах с целью навести страх на местных жителей.

Следует отметить, что различные слои населения Южного Дагестана к движению горцев относились по-разному. Ставленники царизма всячески старались подавить выступления рядовых жителей «вольных» обществ Самурской долины. Местная администрация в лице ханов, беков делала все зависящее от них, чтобы Южный Дагестан не был охвачен движением. Несмотря на это, подавляющая часть жителей Южного Дагестана сочувственно отнеслась к движению горцев и настоятельно просила Шамиля организовать поход во владения Южного Дагестана.

5 сентября 1848 г. с конным отрядом в 4 тыс. человек Даниял-бек прибыл в Шиназское ущелье. За ним двигались два отряда, один из них двигался правым берегом Самура в направлении с. Амсар, а другой – Ачи-Дарго, в Ихрехское ущелье. Жители сел и находящаяся там милиция сдались. Их примеру 6–7 сентября последовал ряд сел рутульского магала. Узнав об этом, начальник Самурского округа полковник Рот решил организовать сопротивление наступающим мюридам, но оно не имело успеха. Тем временем Хаджи-Мурат вошел в Рутул.

Беспрепятственное по существу движение отрядов имама встревожило кавказское командование. Все воинские начальники лихорадочно принялись готовить войска к борьбе. Были вызваны даже отряды, дислоцированные в Северном Азербайджане. Письмо Даниял-бека к имаму создало благоприятную обстановку для продолжения наступления. «До сих пор, – говорилось в нем, – дела наши идут, как мы хотели. Рутульцы уже в наших руках. Потом жители Ахтов и других краев (т.е. сел) желают перейти на нашу сторону и приглашают нас к себе. Многие ахтынцы и жители других селений перешли к нам. Со стороны врагов слышны противоречивые известия. Мы отправимся к подступам Ахтов, внимая их просьбам, а вообще население очень хочет, чтобы вы приехали к нам» [5, с. 578]. Все это обрадовало Шамиля. Он понял, что самое время выехать на театр войны и лично командовать наступательными действиями. Так он и поступил. 12 сентября он прибыл в Рутул. Как и положено, у имама собрались все представители отрядов, назначенных для наступления. Произошло короткое совещание, на котором Шамиль изложил поставленную задачу и приказал основательно подготовиться всем и, не теряя времени, ускоренно двинуться на Ахты и занять его. Он хорошо понимал, что осуществить эту нелегкую операцию необходимо в кратчайший срок, используя выпавшее на ее исполнение время в отсутствие в Южном Дагестане основных сил отряда генерала Аргутинского. На следующий же день имам Шамиль направился в с. Ахты, жители которого горели желанием встретиться с ним [17, с. 234]. Одновременно начал наступление и Хаджи-Мурат со своей конницей, который занял курахскую дорогу и пошел до Хазры, что в 45 км ниже от Ахтов. Даниял-бек, продвигаясь по правому берегу реки Самур, вступил в ущелье Ахты-чая и встал у минеральных источников.

Царские войска заперлись в Ахтынской крепости, расположенной в трех километрах от селения. Вместе с царскими войсками в Ахтынской крепости находились со своими семьями

самурские беки: Али-Султан-бек, Али-Мулла Шериф-оглы, Аглен и их нукеры (слуги). Гарнизон крепости состоял из 500 солдат и 18 офицеров с 14 орудиями различного калибра. Снарядов и пороха было достаточно, чтобы выдержать продолжительную оборону.

Ещё за день до занятия Ахтов восставшими горцами жители селения, как отмечает современник, «ожидая к себе Шамиля, решили к его приезду завладеть укреплением Ахты. Под предлогом просить патронов они намеревались войти в укрепление и завладеть им, но коварство сделалось своевременно известным через лазутчиков». Ахтынцев не пустили в крепость, и они, «видя свою неудачу», стали просить патронов якобы «для защиты себя от партии Шамиля». Полковник Рот отпустил 15 или 20 тысяч патронов, и, как сообщает современник, ахтынцы «действительно пустили их в дело – но против нас, присоединившись к неприятелю» [18, с. 5–7]. Местные жители не оказали Шамилю и его отряду никакого сопротивления «Ахтынцы пустили к себе войска Шамиля без выстрела» [10, с. 713–714], – отмечал участник событий. Большая часть жителей Самурского округа также была настроена против царских войск.

Вся долина реки Самур (Ахтынский, Алтыпаринский, Докузпаринский и Рутульские союзы сельских общин) оказалась в руках имама [5; 579]. Лишь укрепление с небольшим гарнизоном во главе с полковником Ротом продолжало оставаться независимым. Оставалось как будто самое малое – размять и уничтожить укрепление Ахты, расположенное на правом берегу Самура. Однако эта задача оказалась для горцев не из легких.

Отряды Шамиля обложили укрепление, которое состояло из 5 фасов, связанных между собой 5 батареями. Характерно, что каждая из этих батарей могла сражаться отдельно. Единственным недостатком крепости, пожалуй, была малочисленность гарнизона.

13 сентября горцы предприняли мощный штурм крепости. Оборонявшиеся понесли чувствительный урон: было убито 20, а ранено 32 человека. Был ранен также сам полковник Рот. Собравшиеся в подвале укрепления защитники по предложению полковника дали клятву ни при каких обстоятельствах крепость не сдавать, в крайнем случае, взорвать. На следующий день с самого раннего утра горцы начали массированный артиллерийский огонь по укреплению. В свою очередь чуть ли не из всех крепостных орудий обороняющиеся ответили мощным ударом по местам дислокации горцев. Эта артиллерийская пальба продолжалась несколько часов. И вот где-то к полудню раздался страшной силы, как бы подземный удар, сопровождающийся необычным штурмом и треском, мощный взрыв. Над крепостью поднялась дымовая завеса, закрывавшая все укрепление. Обе воюющие стороны не знали причину и следствие удара, а когда завеса рассеялась, выяснилось, что в крепости взорвался погреб с четырехстами пудами пороха и множеством снарядов [10, с. 571].

Этот взрыв нанес огромной силы урон крепости, разрушил в ряде мест оборонительные стены. По существу ни одна из стен не осталась целой. «Если бы в эту минуту, – писал Н. Волконский, – неприятель был подготовлен к штурму и немедля двинулся на укрепление, то участь его была бы решена окончательно и навсегда» [10, с. 571]. Но время было упущено, «промедление и нерасторопность самих наивов» [22, с. 210] не позволили Шамилю добиться желаемого. Опомнившиеся от этого удара осажденные быстро оправались и умело использовали предоставленную им возможность, забросав создавшуюся в крепостной стене брешь мешками с мукой. И тем самым обезопасили себя от прорыва штурмующих. Горцы продолжили штурм, но были встречены шквальным огнем крепостной артиллерии. В итоге этого сражения горцы потеряли 1500 человек.

Кавказское командование придавало ахтынской крепости большое стратегическое значение и поэтому принимало решительные меры для её защиты. «Как взоры всей Европы обращены на Севастополь, так и весь Кавказ и в особенности горцы, взволнованные Шамилем, смотрели на укрепление Ахты. Падение Ахты произвело бы на горцев самое благоприятное действие, после чего Шамилю нетрудно бы было поднять население Баку, Кубы, Дербента и Шемахи, где только ожидали приезда имама, и тогда положение русских было бы вновь столь же невыгодное, как оно было после неудачной в 1845 году экспедиции в Дарго» [18, с. 35].

После этой неудачи имам Шамиль отступил в Рутул, куда двигались и войска генерала Аргутинского, в составе которого было 9 батальонов пехоты, 10 горных орудий, 2 взвода ракет, рота стрелков, дивизион драгун и 3 сотни казаков. Эту надвигающуюся на них лавину горцы были не в состоянии удержать. И им ничего не оставалось, кроме как отступать. Очевидно, что имам, поняв, что битва проиграна и что эта неудача является последним аккордом его похода в Самурский округ, счел необходимым отступить, и притом ускоренным шагом, ибо можно было бы оказаться в значительно затрудненном положении [13, с. 41–42].

В 1851 г. по приказу Шамиля в Табасаран был отправлен Хаджи-Мурат во главе с 500 воинов отборной конницы. Хаджи-Мурат выступил из Аракани через Буйнак, где убил брата шамхала Шавхалу и взял в плен членов его семьи. Затем, вступив в пределы Кайтага, разбил конницу кайтагского владетеля Джамов-бека [12, с. 160]. В начале лета того же года Хаджи-Мурат был в Табасаране. Он сжег дом Исмаил-кадия, управляющего Северным Табасараном, станционный дом, дом местного пристава с делами канцелярии и хозяйские постройки царских войск.

Получив известие о походе Хаджи-Мурата в Табасаран, Аргутинский прибыл туда. Между царскими войсками и отрядами Хаджи-Мурата произошло сражение. Горцы, потеряв убитыми 60 человек, отступили по направлению к Чираху, а табасаранцы покинули Хаджи-Мурата. Не дойдя до Чираха, Хаджи-Мурат направился к Цахуру. До самого Ихрека Хаджи-Мурата преследовал Абу-Муслим Рутульский, а царские войска и местная милиция преследовали его до Катруха. Затем он отступил в Аварию.

Движение горцев под предводительством Шамиля и периодические вторжения их в Южный Дагестан оказывали на местных жителей большое влияние. В официальных документах кавказской военной администрации неоднократно встречаются признания об усилении влияния Шамиля в Южном Дагестане.

Южный Дагестан не остался в стороне и в период восстания горцев 1877 г. Начавшись в апреле 1877 г. в Чечне, вскоре оно перекинулось на Дагестан. В августе восстание вспыхнуло в Аварии, а в сентябре восстали лезгины, казикумухцы, табасаранцы.

Начало восстания в Южном Дагестане было положено жителями аула Хан-Мамед-Кала во главе с Мехти-беком. 10 сентября Мехти-бек, явившись в с. Башлы, на многолюдном митинге обратился к башлинцам с призывом объявить газават. Башлинцы откликнулись на этот призыв. На съезде они приняли присягу и провозгласили Мехти-бека кайтагским уцмием.

12 сентября 1877 г. восстанием был охвачен весь Кюринский округ. Окружное управление в Касумкенте было разгромлено. 16 сентября восставшие выбрали кюринским ханом жителя с. Курах поручика Магомед-Али-бека. В знак солидарности с кюринцами восстали жители Кубинского уезда. Они выбрали себе ханом подпоручика Гасан-бека. Движение принимало все более острый характер. Все общества Южного Дагестана, за исключением Самурского округа, были полностью охвачены восстанием.

Очагами развернувшегося восстания в Южном Дагестане сделались Башлы, Берикей, Маджалис, Хан-Мамед-Кала, Янгикент, Мулебки, Кадар, Касумкент, Курах.

Во главе восстания стояли: в Кайтаге – Мехти-бек Уцмиев, в Табасаране – Умалат-бек Рустам Кадиев и Аслан-бек, в Кюринском округе – Магомед-Али-бек, в Яраге – Эфенди Исмаилов и др.

Опасаясь, чтобы восстание, охватившее весь Южный Дагестан, не перешло в Шуринский округ, царское командование перебрасывает из Леваша на помощь Дербенту отряд Тер-Асатурова.

Мехти-бек Уцмиев, узнав об этом, решил не допустить Тер-Асатурова к Дербенту. С этой целью он обращается к жителям Кайтага и Табасарана с призывом подняться на борьбу и всеми мерами стараться не пропустить царские войска к Дербенту [14, с. 48].

Пока отряд Тер-Асатурова находился в пути, кайтагцы, табасаранцы и кюринцы двинулись к селениям Каякент, Джемикент и Берикей. Сюда же двинулся и отряд казикумухцев под начальством Джафар-хана. Отсюда большие массы восставших горцев Южного Дагестана под начальством Мехти-бека Уцмиева двинулись в сторону Петровска, на Дешлагар и Буйнак. Но, когда тысячный отряд Тер-Асатурова, вооруженный до зубов, неожиданно преградил им путь, Мехти-бек решил отступить к Каякенту, чтобы там дать бой наступающему отряду. 17–18 сентября у Каякента завязался ожесточенный бой. Восставшие горцы, потерпев поражение, вынуждены были отступить в сторону Джемикента.

Однако поражение не заставило горцев отказаться от преследования отряда Тер-Асатурова. Отступив к Джемикенту и разрушив на пути три моста, горцы начали укрепляться и готовились к новому сражению.

Между тем из Дербента поступали все более тревожные сообщения. 20 сентября были получены сообщения, что Дербент уже окружен восставшими, «цитадель брошена, гарнизон, управление и оставшееся христианское население перешли в нижнюю часть города» [15, с. 113].

21 сентября у Джемикента горцы с новой силой обрушились на отряд Тер-Асатурова, но опять-таки потерпели поражение. В результате теснимые со всех сторон горцы вынуждены были отступить с большими потерями.

Наступило временное затишье, но оно ещё не предвещало конца борьбы. Пока войска подавляли восстание в Южном Дагестане, начались активные действия в Западном Дагестане.

23 сентября началось восстание в Табасаране. Во главе восставших стоял Умат-бек Рустам и Аслан-бек.

1 октября было получено сообщение, что волнение в Самурском округе перешло в открытое восстание. Ахтынцы провозгласили капитана милиции Кази-Ахмеда самурским ханом. Кавказское командование ввиду недостатка войск не имело возможности своевременно предупредить волнение в Самурском округе и помочь гарнизону.

Результатом самурского восстания стало волнение жителей Кубинского уезда, Бакинской губернии и Закатальского округа.

Пребывание казикумухского отряда в Табасаране и Кюринском округе усилило восстание в Южном Дагестане. Умалат-бек и Аслан-бек стали набирать в Табасаране отряды. После этого Умалат-бек направился в селение Дюбек для совместного действия с отрядом Мехти-бека в Кайтаге, чтобы вновь поднять там восстание. Узнав об этом, Комаров направился из Дербента в Табасаран. В результате однодневного боя селение Дюбек было разорено и сожжено.

25 октября Мехти-бек, вновь собрав в Верхнем Кайтаге партию в количестве 200 человек, занимает разоренное селение Башлы. За «вторичную измену» башлинцы по приказанию князя Меликова были навсегда расселены по различным местам, а селение уничтожено.

По сути дела, это была последняя, окончившаяся неудачей попытка Мехти-бека и Умалата удержать Кайтаг и Табасаран в своих руках.

Дальнейший маршрут царских войск был ясен. Это – Кюринский и Самурский округа. Для подавления восстания в этих округах из вновь прибывших войск был сформирован особый отряд под начальством генерала Васильева.

К 20 ноября усиленными действиями карательных отрядов восстание в Южном Дагестане было окончательно подавлено. Одержав победу, царское командование начало жестокую расправу с повстанцами. В 1878 г. в Дербенте были казнены Кази-Ахмед, его сын Гасан, ахтынский кадий и др. Количество высланных в Сибирь из Кюринского, Самурского и Кайтаго-Табасаранского округов составило более 1060 человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Далее – АКАК). Тифлис, 1866. Т. I. – 816 с.
 2. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. – 994 с.
 3. АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. – 1013 с.
 4. Военный сборник. Петроград, 1915. № 2–5. – 238 с.
 5. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959. – 785 с.
 6. *Добролюбов Н.А.* О значении наших последних подвигов на Кавказе // Собрание сочинений. 1962. Т. 5. С. 430–442.
 7. *Гаджиев В.Г.* Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956. – 48 с.
 8. *Гаджиев В.Г.* Социально-политические причины, движущие силы и характер движения горцев Северного Кавказа в 1829-1859 гг. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Махачкала, 1994. С. 18 – 29.
 9. *Гасанов М.Р.* Табасаран в период борьбы горцев в 20-50-е годы XIX в. против царизма. Махачкала, 1997. – 50 с.
 10. Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VI. – 647 с.
 11. Кавказский сборник. Тифлис, 1896. Т. XVII. – 560 с.
 12. Кавказский сборник. Тифлис, 1897. Т. XVIII. – 506 с.
 13. *Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А.* Южный Дагестан в период народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 – 50-х гг. XIX в. // Вестник Института ИАЭ. 2008. № 1. С. 37 – 42.
 14. *Магомедов Р.М.* Восстание горцев Дагестана в 1877 г. Махачкала, 1940. – 77 с.
 15. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами. Тифлис, 1910. Т. 6. Ч. 2. – 230 с.
 16. *Милютин Д.А.* Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. – 144 с.
 17. *Мусаев А.М.-С.* Участие рутулов в Кавказской войне // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Махачкала, 1994. С. 233 – 235.
 18. Мужественная защита укрепления Ахты в 1848 г. СПб., 1873. – 36 с.
 19. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. 2. Вып. I. – 700 с.
 20. Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. ВУА. Д. 6378.
 21. РГВИА. Ф. 400. Оп. 263. Д. 18.
- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1926. Вып. 45. – 426 с.